

РОСТОПЧИН И ФРАНЦУЗЫ

*Статья "Ростопчин и французы" опубликована в "Московском журнале" номер 8 за 2003 год.
Предоставлена автором.*

До сих пор не прояснен вопрос, лежит ли вина за пожар Москвы 1812 года на тогдашнем московском генерал-губернаторе графе Ростопчине, как нет и единодушия среди отвечающих на этот вопрос утвердительно: одни считают поступок графа варварским, другие - геройским. А между тем многие, пожалуй, продолжают видеть в Ростопчине шута и мракобеса. Слова "сумасшедший Федька", сказанные Екатериной Великой под смех над его остротами, впоследствии стали восприниматься как ругательные.

О том, как легок и, пожалуй, светел был граф даже с непредсказуемым императором Павлом, рассказывает князь Вяземский в "Старой записной книжке". Император, рассердившись на Англию, готов подписать манифест об объявлении ей войны, но, видя, что Ростопчину не по душе сия бумага, спрашивает: "Что ты готов сделать, чтобы я ее уничтожил"? - "А все, что будет угодно вашему величеству, например пропеть арию из итальянской оперы". - "Ну так пой", - говорит Павел Петрович. И Ростопчин затягивает арию с разными фиоритурами и коленцами. Император подтягивает ему. После пения он раздирает манифест и отдает лоскутки Ростопчину".

Острое словцо графа, его умение высмеять дурные нравы далеко не всем приходилось по нраву при его жизни, и, видимо, слава скандалиста и обидчика, которой он был окружен в обществе, сыграла с ним злую шутку и после его смерти. И сейчас еще многие историки, писатели и просто кое-что слышавшие люди полагают, что если граф и писал некие книжки, то его сочинения наверняка никакого внимания не заслуживают. Что, мол, взять с автора пресловутых "афишек", бойко осмеянных в нашей истории и литературе за их квасной патриотизм и густое подражание простонародному стилю? Но по-настоящему личность этого человека отражается в его мемуарных и художественных сочинениях, и нам еще предстоит осознать, что в лице Федора Васильевича Ростопчина мы имеем замечательного писателя.

Открыв "Мои записки, написанные в десять минут, или Я сам без прикрас" и прочитав хотя бы такую Главу 1: "Мое рождение. В 1765 г., 12 марта я вышел из тьмы и появился на Божий свет. Меня смерили, взвесили, окрестили. Я родился, не ведая зачем, а мои родители благодарили Бога, не зная за что", - торопливые исследователи, может быть, отчасти изменили бы свои суждения о литературных и вообще умственных достоинствах графа. В предисловии к книжке 1992 года, составленной из некоторых сочинений Ростопчина, Г. Д. Овчинников вполне справедливо указывает: "Читая повесть ("Ох, французы!"), трудно представить, что она была написана в 1800-е годы, так мало в ней того, что составляет общую принадлежность современных ей литературных произведений... Повесть Ростопчина - одно из самых оригинальных произведений русской прозы 1800-х годов, и ее влияние на литературный процесс тех лет стало бы заметным, если бы она была издана в то время, когда была написана". В этой повести Ростопчин преследовал более чем актуальную для его времени цель - вскрыть негативные последствия французского воспитания, к которому столь пристрастилась тогда Россия в лице ее высших классов. Сюжет повести необычайно прост, и в этом смысле достаточно повторить, что она о плодах французского образования на российской почве, но ее сугубо русский колорит и сочный язык - это уже зародыши будущей прозы Лескова, Апухтина, Булгакова. Вот, например, из главы "Сватанье": "Дядя, наевшись, напившись досыта, прилег на старое канапе и всхрапнул ровно час с четвертью; сна его ничто тревожить не могло: шум - оттого, что человек над ним читал третий том "Тысячи одной ночи"; мухи - их сгонял мальчик полотенцем. Проснулся, засвистал, выпил пять чашек чаю, съел дыню, напудрил белую голову, надел кирасирский мундир, сырсаковый камзол, препоясал меч и отправился говорить за племянника к Степаниде Кузьминишне".

Написана повесть в конце 1806 года (отметим попутно, что Пушкин в то время еще, скорее всего, никаких творческих планов не вынашивал), а впервые опубликована лишь в 1842 году. Ее заметили и одобрили Белинский, Герцен, Греч, но читатели, похоже, остались глухи. Борьба с французским влиянием к той поре вроде бы уже успешно завершилась, другие же достоинства ростопчинского творения прошли мимо внимания публики, увлеченной новыми литературными и политическими страстями. А зря. Хорошо еще, что сама повесть заканчивается благополучно: Лука Андреич, воспитанник просвещенных французов, после целого ряда приключений - его, между прочим, и конь Визирь "нес и бил три версты, но не сбил", - все-таки женился на княжне, сватать которую и отправился